

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-8-49>
<https://elibrary.ru/NXKCVS>
УДК 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Анна ДОБРЯШКИНА

«ЧЕРЕЗ МЕКСИКУ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»: НЕМЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ В МЕКСИКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ КОНТАКТЫ С СССР

Аннотация: Статья посвящена истории эмиграции немецких писателей в годы Второй мировой войны в Мексике. Мексика не была крупным центром немецкой эмиграции подобно Советскому Союзу или США, однако мексиканское правительство поддерживало эмигрантов-антифашистов, которые находились во Франции до ее оккупации. Мексиканское консульство в Марселе выдало визы многим немецким писателям, однако переехать из Франции в Мексику смогла лишь Анна Зегерс. Писатели Бодо Узе и Людвиг Ренн прибыли в Мексику из США, Альфред Канторович и Ганс Мархвица были вынуждены остаться в Соединенных Штатах, так как с 1941 г. транзит через США стал невозможен. Немецкие писатели поддерживали постоянный контакт с Союзом советских писателей. Корреспонденция часто не доходила до адресата, однако до установления дипломатических отношений между СССР и Мексикой это была единственная возможность обмена информацией. Небольшая немецкая колония в Мексике занималась активной антифашистской деятельностью. Движение «Свободная Германия» было организовано в Мексике на полтора года раньше, чем Национальный комитет «Свободная Германия» в СССР. И хотя казалось, что речь идет о двух ветвях одной и той же организации, это были разные образования с разными целями, которые носили одно и то же название. В этот момент стал очевиден внутривнутрипартийный конфликт среди немецких коммунистов, который годы спустя имел трагические последствия. После капитуляции Германии немецкие писатели не сразу смогли вернуться на родину, поскольку все еще действовал американский закон о запрете транзита через США. В 1946–1948 гг. писатели уезжали из Мексики на советских грузовых судах: в Германию они смогли попасть лишь через Советский Союз.

Ключевые слова: немецкие писатели-антифашисты, Бодо Узе, Людвиг Ренн, Анна Зегерс, Пауль Меркер, Александр Абуш, Т.А. Рокотов, Хильберто Боскес, Союз советских писателей, Мексика, СССР, Вторая мировая война, эмиграция, «Интернациональная литература», движение «Свободная Германия», Национальный комитет «Свободная Германия».

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>. E-mail: annica@list.ru.

Для цитирования: Добряшкина А.В. «Через Мексику в Советский Союз»: немецкие писатели-эмигранты в Мексике в годы Второй мировой войны и их контакты с СССР // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 8–49. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-8-49>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда №23-18-00393 «Россия/СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-8-49>

<https://elibrary.ru/MTOXPZ>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Anna DOBRYASHKINA

“THROUGH MEXICO TO THE SOVIET UNION”: GERMAN EMIGRANT WRITERS IN MEXICO DURING THE WORLD WAR II AND THEIR CONTACTS WITH THE USSR

Abstract: The article is devoted to the history of the German writers' emigration during the Second World War in Mexico. Mexico was not a major center of German emigration like the Soviet Union or the United States, but the Mexican government supported anti-fascist émigrés who were in France before its occupation. The Mexican consulate in Marseille issued visas to many German writers, but only Anna Seghers was able to move from France to Mexico. Bodo Uhse and Ludwig Renn went there from the United States, Alfred Kantorovicz and Hans Marchwitza had to stay in the United States, because transit through the USA became impossible since 1941. German writers maintained constant contact with the Soviet Writers' Union. Correspondence often did not reach the addressees, but before the establishment of diplomatic relations between the USSR and Mexico, this was the only way to exchange information. The small German colony in Mexico was engaged in active anti-fascist activities. The movement “Free Germany” (“Freies Deutschland”) was organized in Mexico a year and a half earlier than the National Committee “Free Germany” in the USSR. Although it seemed that they were two branches of the same organization, in fact they were two different entities with different goals and with the same name. At this moment an internal conflict among the German Communists became apparent; years later it had tragic consequences. After the surrender of Germany, German writers were not able to go directly to their homeland, since the American law prohibiting transit through the United States was still in force. In 1946–1948 German writers were leaving Mexico on Soviet cargo ships: they could get to Germany only through the Soviet Union.

Keywords: Bodo Uhse, Ludwig Renn, Anna Seghers, Paul Merker, Alexander Abusch, T. Rokotov, Gilberto Bosques, Soviet Writers' Union, the USSR, World War II, emigration, *International Literature* magazine, Free Germany Movement (Bewegung “Freies Deutschland”, “Alemania Libre”), The National Committee for a Free Germany (Nationalkomitee “Freies Deutschland”, NKFD).

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>. E-mail: annica@list.ru.

For citation: Dobryashkina, Anna V. “Through Mexico to the Soviet Union”: German Emigrant Writers in Mexico During the World War II and Their Contacts with the USSR.” *Literature of the Americas*, no. 16 (2024): 8–49. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-8-49>

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Биографии немецких писателей-эмигрантов, покидавших Третий рейх в надежде обрести временное политическое убежище или даже новую родину, не только полны трагизма, но и содержат немало эпизодов, словно заимствованных из приключенческой литературы. Один из ярких примеров — путь немецких писателей в Мексику и их возвращение оттуда после капитуляции Германии.

История немецкой литературной эмиграции в Мексике интересна тем, что в годы Второй мировой войны в далекой стране возникла хотя и небольшая, но творчески активная колония «эмигрантов левых взглядов всех мастей» [Stephan 1998: 232], которая, практически не имея финансирования, смогла организовать движение «Свободная Германия» (Bewegung Freies Deutschland), основать издательство “El libro libre” (букв.: «Свободная книга», 1942–1946) и Клуб Генриха Гейне (Heinrich-Heine-Klub), а также выпустить 55 номеров журнала на немецком языке *Freies Deutschland* (букв.: «Свободная Германия», 1941–1946), которые разошлись по всему миру. Однако не менее интересен и тот факт, что каждый из нашедших пристанище в Мексике писателей — Бодо Узе, Людвиг Ренн, Анна Зегерс, Александр Абуш, Пауль Меркер — также мог оказаться и в Советском Союзе. И хотя обстоятельства сложились иначе, немецкие эмигрировавшие писатели-антифашисты находились в постоянном диалоге с советскими коллегами на всех этапах развития отношений между Мексикой и СССР и независимо от качества почтовой и телеграфной связи. Писательские контакты имели своей целью обмен информацией, рукописями для публикации и печатными изданиями, а также небольшую финансовую помощь немецким авторам в Мексике. Общение же немецких коммунистических деятелей с КПГ, находившейся в СССР, было скорее «немым» диалогом, сама форма которого свидетельствовала о скрытом внутривнутрипартийном конфликте, что до сих пор требует более пристального внимания историков.

Мексика, помимо Советского Союза, была единственной страной, предоставившей в 1939 г. политическое убежище участникам Гражданской войны в Испании (по статистике [Pohle 1986: 4], примерно 15 000 человек с 1933 г.). С началом Второй мировой войны она готова была принять также и других беженцев — жертв нацистского режима, хотя по сравнению с числом бежавших во Францию испанских республиканцев их было значительно меньше (по статистике, примерно 1200 человек с 1939 г.), и в этом смысле неправомерно рассматривать Мексику как центр антифашистской эмиграции по-

добно СССР или США. К 1940 г. страна начала вводить ограничения на въезд, открывала свои двери лишь определенным категориям эмигрантов, к которым уже не относились участники Гражданской войны неиспанского происхождения (или без испанского гражданства — то есть антифашисты, составлявшие в Испании интернациональные бригады), еврейские беженцы, неизвестные антифашисты или известные коммунисты (после подписания Советским Союзом и Германией Пакта о ненападении в 1939 г. коммунисты в Мексике оказались в изоляции). Привилегированной категорией, однако, считались «писатели», к которым относились не только авторы художественных произведений, но и журналисты и политические публицисты. К группе «писателей» были отнесены поэты как воевавшие в составе интернациональных бригад Бодо Узе и Людвиг Ренн, так и коммунисты Пауль Меркер и Александр Абуш.

Большинство писателей-эмигрантов попали в Мексику из Франции, при этом были задействованы дипломатические структуры сразу нескольких стран, оказывавших помощь беженцам. Роман Анны Зегерс «Транзит», написанный во время бегства через океан, не только передавал предельно тревожную и напряженную атмосферу этого периода, но и исторически точно и детально изображал работу мексиканского консульства в Марселе, которое стало последней надеждой многочисленных эмигрантов. Мексиканский консул в Марселе Хильберто Боскес¹ (Gilberto Bosques Saldívar, 1892–1995) вошел в историю эмиграции Второй мировой войны как дипломат, который по личной инициативе, по своему собственному «списку Шиндлера», выдал беспрецедентное количество мексиканских виз всем, кто пытался бежать из капитулировавшей Франции. В список Боскеса входили также имена известных немецких писателей, которых готова была принять Мексика: Лиона Фейхтвангера, Альфреда Дёблина, Анны Зегерс, Леонгарда Франка, Рудольфа Леонгарда, Германа Кестена, Альфреда Канторовича, Фридриха Вольфа и Бертольда Брехта. А. Зегерс, ставшая обладательницей двух виз: сначала выданной на ее литературный псевдоним и лишь потом на ее настоящее имя — Нетти Радваньи, — оказалась в этом списке единственной, кто смог воспользоваться приглашением. Интересно, что параллельно писательница

---

¹ Боскес был арестован нацистами в 1942 г. и возвращен в Мексику в 1944 г. по программе обмена военнопленными. «Встреча с нашим спасителем и другом из Марселя» упоминается в мемуарах А. Абуша: Abusch, Alexander. *Mit offenem Visier. Memoiren*. Berlin: Dietz Verl., 1986: 81–84.

обращалась за помощью в советское посольство, и, по воспоминаниям ее советского биографа Т.Л. Мотылевой [Мотылева 1984: 190], это было ходатайство о получении въездных виз в СССР, которые, как следует из письма А. Зегерс И. Эренбургу, были доставлены во Францию уже после отбытия семьи Радваньи в Мексику².

Попасть в Мексику через США было возможно только до 1 июля 1941 г. — с этого момента транзит становился невозможен из-за введенных Америкой ограничений. Людвиг Ренн и Бодо Узе успели уехать из Франции до начала Второй мировой войны, получив в 1939 г. приглашение в Нью-Йорк на Третий Конгресс Лиги американских писателей, где они и встретились. Собственно, Ренн не собирался ни в США, ни тем более в Мексику. Ренн хотел поехать в Москву, чтобы, как он писал заместителю председателя Иностранной комиссии ССП Михаилу Аплетину, «некоторое время пожить на гонорар за мои книги “Война” и “После войны”»³. В Париже Ренн связался с французским представителем ЦК КПГ Францом Далемом, вряд ли предвидя, что тот в скором времени станет соперником В. Ульбрихта, и «попросил помочь ему с въездом в Советский Союз» [Kießling 1979: 237], поскольку считал, что его владение русским языком могло бы пригодиться партии. Однако Далем высказался против пребывания Ренна в СССР и настоял на его переезде в США. Виза Ренна и Узе обеспечивала им в США двухмесячное пребывание. После истечения ее срока, когда писателям необходимо было покинуть Америку, оба оказались без средств, необходимых даже на выезд. Для Ренна не нашлось никакой партийной работы, на которую он рассчитывал после разговора с Далемом. О своем тяжелом положении Ренн сообщал в письме М. Аплетину и просил перевести ему гонорар из советского издательства «Международная книга», чтобы переехать в более дешевую Мексику. Ренн, командовавший во время Гражданской войны штабом 11-й интернациональной бригады, великолепно говоривший по-испански, к тому же выступивший на Втором конгрессе писателей в защиту культуры (Валенсия, 1937 г.) с приветственным словом в адрес мексиканского народа, мог, безусловно, рассчитывать на

² См. Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Mexiko-City, 6.5.1944. РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед.хр. 1586. Л.1.

³ Ludwig Renn an M. Apletin. New York, 24.6.1939. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед.хр. 431. Л. 5. Речь идет об издании: Renn, Ludwig. *Der Krieg. Der Nachkrieg*. Leningrad, Moskau: Verlag Ausländischer Arbeiter in der UdSSR (VEGAAR), 1935. 630 S.

радушный прием мексиканского правительства. Переехав в сентябре 1939 г. в Мексику, он сразу начал добиваться визы для Б. Узе:

Тутошнее правительство обещало все для нас сделать. [...] Через несколько дней я снова пошел в *Secretaria de Gobernación*, и в *Secretaria* представители профсоюза мне сказали, что только что было принято решение не выдавать визы в ближайшие месяц или два. Я написал об этом бедняге Бодо, а также о том, что он не сможет получить визу. Однако еще через несколько дней у меня был телефонный разговор с госпожой Ремарк⁴, которая сказала, что мексиканский консул в Лос-Анджелесе будет ждать Бодо, и тот сможет получить визу [Pohle 1986: 12].

В итоге Б. Узе смог въехать в Мексику лишь в марте 1940 г., когда во Франции не менее ста тысяч испанских республиканцев штурмовали мексиканское консульство, также мечтая пересечь океан. Узе, неплохо владевший испанским языком, быстро возобновил контакты со всеми испанскими эмигрантами, которых знал по Гражданской войне, и завязал в творческой среде новые знакомства (среди них были Пабло Неруда, Карлос Пельисер, Хосе Ревуэльтас и др.). Кроме того, он сразу, практически полностью отказавшись от своей писательской деятельности и тем самым значительно ухудшив свое материальное положение, включился в оказание помощи другим эмигрантам. Когда мексиканское правительство ввело очередные ограничения на выдачу виз, Б. Узе добился аудиенции у бывшего президента Мексики Л. Карденаса и 11 апреля 1940 г. телеграфировал в Марсель, что более чем двадцати шести немцам обещаны визы. В числе эмигрантов, о которых ходатайствовали Б. Узе и его коллеги (прежде всего, находившийся в Нью-Йорке чешско-немецкий писатель-эмигрант Франц К. Вайскопф), были и Анна Зегерс, и Ганс Мархвица, и многие другие, чьи имена дополнили список Хильберто Боскеса.

Однако о немецких писателях ходатайствовал не только Узе. 27 июня 1940 г. председатель Немецкой секции Союза советских писателей Иоганнес Р. Бехер обратился к А. Толстому («не имея

---

⁴ Ильза Ютта Замбона (Ремарк). Писатель Э.М. Ремарк и его жена примерно в это же время приезжали в Мексику для оформления официального въезда в США. Жена Ремарка с января 1940 г. находилась в Мехико. В марте 1940 г. они выехали из Мексики в США.

возможности связаться с тов. Фадеевым») с просьбой «предпринять соответствующие шаги»:

Я обращаюсь к Вам по делу, незамедлительное решение которого могло бы спасти жизни некоторых немецких писателей, дорогих нам и преданных Советскому Союзу. Речь идет о том, что в данный момент во Франции были интернированы в концентрационные лагеря некоторые немецкие писатели-эмигранты, которые, согласно условиям договора о перемирии, могут быть выданы германскому правительству. В числе этих писателей Фридрих Вольф, Густав Реглер, Анна Зегерс, Ханс Мархвица, Леонгард Франк, Альфред Дёблин⁵.

6 июля 1940 г. Бехер снова напомнил А. Толстому о своей просьбе. Весной 1941 г. двадцати беженцам во Франции были оформлены советские паспорта [Вагнер 2010: 702], однако большинство немецких писателей было уже на полпути в Мексику. Советское гражданство позволяло освободить находившихся во французских концлагерях немецких эмигрантов. Фридрих Вольф, интернированный в лагерь Ле-Милль, стал советским гражданином осенью 1940 г. и в марте 1941 г. (когда его мексиканская виза была уже оформлена) перебрался через Италию в СССР. Член политбюро КПП и публицист Пауль Меркер должен был, как и Вольф, получив советское гражданство и освободившись из лагеря Ле-Верне, отправиться в СССР. Переданные ему слова советского консула Меркер понял, однако, как указание переехать «в СССР через Мексику» [Pohle 1986: 21]. Писатель Александр Абуш, получив не очень ясную директиву Франца Далема, к тому моменту узника лагеря Ле-Верне, также решил попасть в СССР через Мексику. Издавая мемуары на склоне лет, Абуш уверял читателя, что он «хотел совершить путешествие не в Мексику, а в Москву»⁶ и собирался, как только окажется в Мексике, получить визу в советском посольстве и направиться во Владивосток. В истории международных отношений, однако, Мексика периода Второй мировой войны оставалась проблемным узлом: немецкие писатели-коммунисты, нашедшие пристанище за океаном, даже «не знали, что между Мексикой и Советским Сою-

⁵ Becher, Johannes R. *Briefe (1909–1958)*, in 2 Bdn. B.2. Berlin, Weimar: Aufbau, 1993: 238. Не все из перечисленных Бехером писателей были интернированы во французские лагеря.

⁶ Abusch, Alexander. *Mit offenem Visier*: 10.

зом не было дипломатических отношений»⁷ в момент их бегства. Воспоминания Абуша и Меркера содержат много нестыковок, поэтому вопросы, по какой причине они оба, вырвавшись из Франции, оказались в Мексике, а не в Советском Союзе (имея возможность предварительно получить советское гражданство), где их ждали, действительно ли их ждали, действительно ли они хотели оказаться в Москве, какую роль сыграл в этих передвижениях Ф. Далем, пока остаются открытыми.

Не все обладатели мексиканских виз смогли добраться до Мексики. Писатели Альфред Канторович и Ханс Мархвица были задержаны американскими властями и вынуждены были остаться до конца войны в США. Анне Зегерс, выехавшей вместе с Канторовичем из Марселя 24 марта 1941 г. на одном пароходе и имевшей благодаря своему мужу, подданному Венгрии, венгерское гражданство, удалось со всей семьей достичь мексиканского побережья, где их встречали Ренн и Узе. Писатель Рудольф Леонгард, пытавшийся переехать в Мексику в сентябре 1941 г., не получил разрешение французских властей на выезд. В конце 1941 г. в Мексику прибыли коммунистические публицисты А. Абуш и Вальтер Янка, последним добрался до Мексики П. Меркер — в июне 1942 г. Ф. Далема немецкие коллеги не дождались: французскими властями он был выдан гестапо.

Обосновавшись в Мексике, немецкие писатели постарались возобновить общение с московскими коллегами. «Анна, Эгон⁸ и Людвиг писали нам, что они послали письма и вам»⁹, — сообщал из Нью-Йорка Ф. Вайскопф, состоявший в переписке с огромным количеством эмигрантов и координировавший в каком-то смысле эту эмигрантскую переписку: у него была постоянная связь с Москвой — М. Аплетиным и редактором русскоязычной версии журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотовым, которым он передавал последние данные о пребывании эмигрантов по тому или иному адресу, отправке их писем в том числе в Москву и т. п. Почтовая связь стала еще более ненадежной с появлением в 1941 г. американского Управления цензуры (Office of censorship), через которое проходила вся корреспонденция и «где тысячи часов тратились на то, чтобы

---

⁷ Ibid.: 93.

⁸ Чешско-немецкий журналист Эгон Эрвин Киш — «неистовый репортер».

⁹ F.C. Weiskopf an J.R. Becher und W. Bredel, New-York, 12.9.1941. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 458. Л. 36. Маш. пер. с нем.

переводить¹⁰ письма, манускрипты и даже целые номера журнала *Freies Deutschland*» [Stephan 1998: 238]. Дошли ли до советских адресатов письма из Мексики в суматохе первых месяцев войны, неизвестно, тем более что в сентябре 1941 г. Немецкая секция ССП была эвакуирована из Москвы — «в целях обеспечения спокойной работы организации Президиум Союза советских писателей СССР, его Иностранная комиссия и редакция журнала “Интернациональная литература” переехали в Казань»¹¹, и было принято решение, что замещающее Президиум ССП Московское бюро правления ССП будет переадресовывать в Казань полученные письма¹².

И Ренн, и Узе регулярно писали из Мексики Аплетину, Рокотову и А. Толстому. М. Аплетин и Т. Рокотов, а с 1942 г. сменивший его на посту главного редактора «Интернациональной литературы» Б. Сучков придавали большое значение установлению контактов с исчезнувшими за океаном немецкими писателями, интересовались их творческими планами и высылали гонорары, которые в мексиканских условиях были реальной поддержкой (правда, они не всегда доходили). До установления дипломатических отношений между Мексикой и СССР в ноябре 1942 г. корреспонденция представителей советских литературных структур (а в случае Аплетина речь шла о недавнем сотруднике ВОКС) и немецких писателей в Мексике брала на себя дипломатическую функцию.

Выживание в Мексике, которая не была дорогой страной, тем не менее представляло собой для немецких писателей-эмигрантов большую проблему. Все немцы, включая даже А. Зегерс, «Седьмой крест» которой стал в США бестселлером, а затем был экранизирован, зависели от помощи благотворительных организаций и всевозможных комитетов помощи эмигрантам. С 29 апреля 1940 г. Ренн преподавал европейскую историю и иностранные языки в мексиканском университете (Colégio San Nicolás de Hidalgo). Свой опыт он изложил в статье «Морелия», которую отправил Т. Рокотову и которая в итоге

---

¹⁰ В том числе и целью сокращения времени на перевод письма, курсировавшие между Мексикой и США, частично СССР, писались на английском языке. Вся переписка меду Б. Узе и Ф.К. Вайскопфом, например, была на английском.

¹¹ А. Фадеев, М. Аплетин — Генриху Манну, Казань, 1.11.1941. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 458. Л. 58.

¹² Записка уполномоченного президиума ССП СССР Г.С. Федосеева начальнику Главпочтамта о пересылке корреспонденции Союза в Москву (не ранее 24 октября 1941) [«Мы предчувствовали польханы» 2015: 117].

в сокращенном варианте была напечатана в «Интернациональной литературе»¹³. Последний в 1940 г. выпуск московского русскоязычного журнала «Интернациональная литература» опубликовал фрагмент письма Людвиг Ренна, где немецкий аристократ и потомственный прусский офицер¹⁴ сдержанно указывал на крайне тяжелые условия собственной жизни и еще более тяжелую ситуацию друга, который уже давно страдал от депрессии и дневниковые записи которого с момента переезда в Мексику выражали предельное отчаяние: «Еще в худшем положении Бодо Узе, который вообще не имеет работы...». В свою очередь, Узе, не осознавая изменения политического курса журнала после подписания советско-германского пакта, упоминает в своих письмах поддержку «Интернациональной литературы» как ничтожный, но все же стабильный доход.

Насколько роковую роль в судьбе Рокотова, арестованного в 1941 г. и расстрелянного в 1945 г., сыграло творчество Бодо Узе, сказать сложно. Доступные немногочисленные письма позволяют воссоздать конфликтную ситуацию, возникшую из-за публикации в уже упомянутом последнем выпуске «Интернациональной литературы» 1940 г. рассказа Узе «Операция»¹⁵ об эпизоде Гражданской войны в Испании. В рассказе события были увидены героем-немцем, сражавшимся на стороне республиканцев и страдавшим от страха и от ощущения абсурдности происходившего. Рассказ Узе был очень психологичным, передавал атмосферу неразберихи, страха и тоски в лагере республиканцев, которые «больше полагались на ром, чтобы создать боевое настроение», и представлял их как жертв бессмысленной войны. Рокотов пытался противостоять запоздалому негодованию высших инстанций и, стараясь то ли защитить Узе, то ли оправдать себя, писал А. Фадееву, «что нужно сугубо учесть — как весь вопрос отразится на положении Бодо Узе»¹⁶; Фадеев же отвечал, что фамилию писателя «можно, пожалуй, не упоминать», но в итоге в пятом номере «Интернациональной литературы» 1941 г. в рубрике «От редакции»

---

¹³ Ренн Л. В мексиканской провинции // Интернациональная литература. 1941. № 5. С. 220–223.

¹⁴ Людвиг Ренн — литературный псевдоним, наст. имя Арнольд Фридрих Фит фон Гольсенау (Arnold Friedrich Vieth von Golßenau).

¹⁵ Узе Б. Операция / пер. с нем. И.А. Горкиной // Интернациональная литература. 1940. № 11–12. С. 3–22.

¹⁶ Т.А. Рокотов — А.А. Фадееву, Москва, 7 мая 1941. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп.5. Ед. хр. 68. Л. 1.

позиция журнала по отношению к тексту Узе пересматривалась, и имя писателя называлось: «Этот рассказ создает у читателей превратное и искаженное представление о героической борьбе мужественного испанского народа в защиту дела передового и прогрессивного человечества. Редакция считает своей ошибкой помещение этого рассказа». Примерно в это же время переписка редакции «Интернациональной литературы» и Бодо Узе закончилась — возможно, по причине начавшейся войны, возможно, из-за неуместности в номере пресловутого рассказа и ареста Рокотова, возможно также, что повторявшиеся настойчивые просьбы писателя помочь ему со срочным переездом в СССР (к тому же с подружкой-американкой) из Мексики вызывали у советских корреспондентов определенную настороженность.

8 сентября 1941 г. «Правда» опубликовала присланное из Нью-Йорка обращение мексиканских эмигрантов к советским писателям, в котором они выражали свою солидарность:

Ни на один момент мы не перестаем думать о Советском Союзе, который в этой войне защищает дело человечества, ибо варвар, напавший на вас, стремится уничтожить не только страну Советов, но вместе с ней он намеревается ликвидировать все грандиозные достижения революции, свободу мысли, прогрессивные идеи и возможности развития. Поэтому борьба Красной Армии, вызывающая восхищение, является борьбой не только за советскую землю, но и за свободу всех угнетенных фашизмом стран. [...] Германский солдат, которого заставляют бороться против вас, постепенно осознает, что он идет по ложному пути¹⁷.

Людвиг Ренн сразу же после нападения Германии на СССР написал в ССП о своем «братском возмущении»¹⁸, а фрагменты его июльского письма были опубликованы в «Интернациональной литературе» (вып. 11–12 за 1941 г.). В конце сентября А. Фадеев благодарил Ренна за солидарность и просил присылать в Москву тексты его и его товарищей — «немецких антифашистских писателей в Мексике»¹⁹.

После нападения Германии на Советский Союз антифашистская деятельность в Мексике стала значительно интенсивнее. Уже в ноябре 1941 г. вышел первый номер *Freies Deutschland* и начал

¹⁷ Письмо немецких писателей // Правда. 8.8.1941. С. 4.

¹⁸ А. Фадеев — Л. Ренну, Москва, 30 июля 1941. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 458. Л. 40. Маш. коп. Пер. на нем. яз.

¹⁹ Там же.

свою работу «Клуб Генриха Гейне», в президиум которого вошли Узе и Зегерс, в начале 1942 г. было основано движение «Свободная Германия», президентом которого был выбран Людвиг Ренн (ему пришлось оставить 5 марта 1942 г. преподавательскую деятельность и переехать в столицу). 10 мая 1942 г., в день ритуального сожжения в Германии книг нацистами (1933), начало свою работу под руководством майора испанской армии Вальтера Янки (Walter Janka) издательство “El libro libre”. Писатель-эмигрант Ф.К. Вайскопф присылал из Нью-Йорка через Бодо Узе в журнал новости о военных событиях, которые составляли значительную часть каждого номера.

Первый выпуск журнала *Freies Deutschland* начинался с военной хроники, которую открывало сообщение о битве за Москву; в следующих выпусках сообщения о Советском Союзе фигурировали в самых разных жанрах: «Воспитание под Москвой. Письмо молодому немцу» (Erziehung vor Moskau. Brief an einen jungen Deutschen) и «Солдаты Сталинграда» (Die Maenner von Stalingrad) А. Абуша; «Музыка в осажденном Ленинграде» (Musik im belagerten Leningrad) Д. Шостаковича; «Ответственность немцев и зверские преступления нацистов в Советском Союзе» (Die Verantwortung der Deutschen und die Nazigreuel in der Sowjetunion) П. Мерккера; «Песнь любви Сталинграду» Пабло Неруды (в переводе на немецкий); «Роль России» (Die Rolle Russlands) И. Эренбурга. Публиковались письма немецких писателей: Союзу советских писателей и немецким пленным солдатам в СССР (Генрих Манн из США), эмигрантам в Мексике (Вилли Бредель из СССР), всем немецким эмигрантам (Эрих Вайнерт из СССР).

После переезда в Мексику П. Меркер сразу включился в переписку с Аппетиным и Сучковым. 9 сентября 1942 г. он отправил в Москву обстоятельный отчет об антифашистской деятельности немецкой колонии:

Широкое поле деятельности открылось перед немецкими писателями после того, как год тому назад начал издаваться журнал «Свободная Германия». Объем журнала — 32 страницы — свидетельствует о значимости мероприятия. Ни одно периодическое издание Германии, посвященное вопросам культуры, не могло похвастаться таким большим числом постоянных сотрудников с именами.

Журнал, организованный без всякой материальной помощи со стороны, на одни лишь добровольные пожертвования, возникший в результате непрерывного сотрудничества друзей, коллег и товари-

щей, вызвал живой интерес в культурных кругах Северной и Южной Америки. Через 2–3 месяца после начала издания он стал выходить тиражом 3 000 экз.

Журнал «Свободная Германия» — орган движения «Свободная Германия». На его страницах мы обращаемся ко всем антифашистски настроенным немцам и эмигрантам, стремимся объединить вокруг журнала всех немцев в борьбе против Гитлера. Кроме немецкого издания, «Свободная Германия» (Alemania Libre) выходит и на испанском языке. Этот испанский еженедельник играет значительную роль в разоблачении нацистского шпионажа и других нацистских интриг.

Сотрудниками «Свободной Германии» могут быть лица, примыкающие к любому лагерю, если они безоговорочные противники фашизма, борцы за единство всех антифашистов, друзья СССР и его союзников. [...]

Кипучая литературная деятельность немецких антифашистов вызывает удивление мексиканских культурных кругов. Интерес к этой деятельности настолько велик, что представители издательства «Свободная книга» были приглашены к президенту Авила Камачо. На приеме у президента были Людвиг Ренн, Бодо Узе, Анна Зегерс и Эгон Эрвин Киш. Президент вел с ними продолжительную беседу на литературные темы, интересовался их творческими планами. Ему особенно понравился проект издания книги на испанском языке, в которой виднейшие политические деятели, деятели науки и искусства рассказывали бы о том, что им пришлось испытать вследствие нацистского террора, и высказали бы свое мнение о нацистском терроре.

Аудиенция у президента вызывала особое внимание благодаря тому, что непосредственно перед аудиенцией реакционные, троцкистские круги, нацистские агенты (в Мексике живут ренегаты Виктор Серж, Реглер, Бабетта Мюнценберг, Рюле, Фриц Бах-Зульцбахер и др.) начали клеветническую кампанию доносов на участников движения «Свободная Германия», на клуб им. Генриха Гейне и, в первую очередь, на издательство «Свободная книга».

За последние недели была установлена связь с немецкими писателями, проживающими в Советском Союзе. Письма коллег и товарищей из героически борющейся страны были встречены эмигрантами-антифашистами с огромным воодушевлением²⁰.

---

²⁰ Пауль Меркер — М. Аппетину, Мехико, 9 сентября 1942. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 466. Л. 2–3. Перевод на рус., маш.

Ни с Далемом, который был передан гестапо и заключен в концлагерь в Германии, ни с московскими представителями КПГ, которые, по всей видимости, избегали сторонника Далема, у П. Меркера контактов не было [Pohle 1986: 210]. В. Пик на письма Меркера не отвечал. У каждого было свое объяснение происходившего. Вряд ли Абуш, которому удалось в последующие десятилетия не пострадать во время усиления противостояния лагеря Меркера и лагеря Ульбрихта и даже стать министром культуры ГДР, считал правдой то, что вспоминал много лет спустя:

Июль 1943 года готовил для нас большой сюрприз: совершенно легально из Москвы к нам прямо в Мехико пришла подробная телеграмма — манифест Национального комитета «Свободная Германия». Некоторое время спустя в редакцию доставили и стопку выпусков газеты Национального комитета — не известным мне путем. [...] И вот доставленные документы подтверждали, что выработанная нами стратегия и тактика была в полном соответствии с политикой нашего центрального комитета. Телеграмма из Москвы усиливала в нас чувство, что [...] товарищам нашего центрального комитета в Москве наш мексиканский журнал *Freies Deutschland* и движение во всей Латинской Америке были известны, что с нашей политикой, в общем-то считались. Отправленные на московский адрес Вильгельма Пика, собственно, в никуда, журналы были после прорыва блокады очевидно доставлены по назначению²¹.

Когда стало известно о создании Национального комитета «Свободная Германия» в Красногорске, немецкая колония, казавшаяся сплоченной, обнаружила признаки давно существовавшего внутривластного конфликта. На первый, поверхностный взгляд казалось, что обе организации вступали в отношения «конкуренции и, возможно даже, соперничества», борясь за «право представлять Германию в эмиграции на политическом уровне и тем самым также давать перспективы будущего главенствования в постфашистской Германии» [Pohle 1986: 209]. В Мексике о роли Национального комитета как специфического политического партнера СССР в усложнявшейся внешней политике союзников никто не догадывался. Сын Анны Зегерс, которому тогда было 17 лет, оставил не детальное, но,

---

²¹ Abusch, Alexander. *Mit offenem Visier*: 79.

тем не менее, редкое и ценное воспоминание о важном эпизоде, когда писатели открыли для себя совершенно неизвестные пласты взаимоотношений с партийными коллегами:

В этой связи в среде немецких антифашистов в Мексике возникла полемика, которая быстро достигла накала: можно ли заключать союз с генералами, которые отреклись от Гитлера? Георг Штиби²² считал, что да, также Ханнес Майер и Марио Монтаньяна придерживались этого мнения. Пауль Меркер и большинство его друзей представляли противоположную позицию. Я не могу уже вспомнить доводы одних и других. В конце концов дело дошло до настоящего противостояния. Сторона, оказавшаяся более влиятельной, пыталась нейтрализовать другую. Пользуясь своим более высоким положением, Пауль Меркер удалил Штиби со всех его должностей и запретил вступать с ним и его сторонниками в контакт²³.

Людвиг Ренн, возможно лишь догадываясь о причинах происходящего и, как и все, не понимая разницы между двумя самостоятельными организациями с одинаковым названием, попытался в своих мемуарах подойти к этому эпизоду с максимальной деликатностью:

Движение «Свободная Германия» и подобные организации пытались в нацистское время организовать сопротивление нацистскому режиму за пределами Германии. Однако по своему составу и по своим возможностям они были абсолютно разные. Так, в Советском Союзе в скором времени после начала Второй мировой войны было много военнопленных, а в Латинской Америке их не было вообще. Среди участников движения Свободная Германия в Мексике не было никого, кто был бы пролетарием или мог бы таковым называться²⁴.

---

²² Георг Штиби (Georg Stibi, 1801–1981) — коммунист, немецкий писатель и публицист. После участия в Гражданской войне в Испании был интернирован в лагерь Ле-Верне во Франции. Эмигрировал в 1941 г. в Мексику. После возвращения в Германию вступил в СЕПГ, в СЗО и ГДР издавал газеты, был послом в Румынии, с 1961 г. заместитель министра иностранных дел ГДР. Штиби поддерживали Анна Зегерс и ее муж, Ласло Радваньи.

²³ Radvanyi, Pierre. *Jenseits des Sroms. Erinnerungen an meine Mutter Anna Seghers*, Übersetzung aus dem Franz. M. Flügge. Berlin: Aufbau, 2006: 96.

²⁴ Renn, Ludwig. *In Mexiko*. Berlin, Weimar: Aufbau, 1979: 7.

Действительно, «Свободная Германия» в СССР и Мексике охватывали совершенно разный контингент. Основу мексиканской колонии составляли еврейские беженцы, к которым примкнули «примерно шестьдесят старых проверенных функционеров коммунистической партии, составившие в скором времени ядро движения Свободная Германия»²⁵. При этом участниками движения были также и «мексиканские демократически настроенные немцы-старожилы»²⁶, обосновавшиеся в Мексике задолго до последней антифашистской эмиграционной волны. Немецкие эмигранты смогли создать заокеанский антифашистский мир со структурами, которым они дали типичные названия: «Свободная Германия», «Свободная книга», «Свободная немецкая молодежь» — и которые, в итоге, не зависели от оставшейся на другом материке КПГ.

Разницы между красногорским Национальным комитетом и мексиканским движением, носившими одно название, не понимали не только писатели-эмигранты, но и сотрудники спецслужб и посольства США в Мексике. Тем более ни писатели, ни американские аналитики не осознавали наличие скрытого, но углублявшегося внутривластного конфликта. В американских донесениях речь шла поэтому о создании советско-мексиканской «Свободной Германии» будущего немецкого правительства: Вильгельм Пик должен был стать рейхсканцлером, Эрнст Тельман — президентом, Томасу Манну планировалось предложить пост министра культуры [Stephan 1998: 248]. При этом Ренн вспоминал, как участники «Сводной Германии» собирались в апреле 1945 г. и не знали, что делать дальше; о том, чтобы связаться с антифашистами других стран, прежде всего СССР, не могло быть и речи: связи с СССР не было, источником информации были американские газеты.

Советское посольство праздновало окончание войны с Германией 23 мая, на прием были приглашены в том числе и немецкие писатели-антифашисты. Через месяц, 26 июня, в газетах можно было прочитать, что «члены центрального комитета Коммунистической партии Германии прибыли в Берлин из Советского Союза»²⁷. Это означало, что и мексиканским немцам предстояло возвращение на родину.

---

²⁵ Ibid.: 8.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.: 19.

Ренн, лучше других владевший испанским, пытался договориться об отъезде с мексиканскими властями, поскольку «в Мексике до сих пор имели силу устные переговоры»²⁸. Мексиканские власти не отказывались дать им разрешение на выезд из страны, однако война еще не была окончена, и немецкие писатели плохо себе представляли путь в Германию. С одной стороны, Контрольный совет союзников в сентябре 1945 г. принял положение, по которому никто не мог въехать в Германию или выехать из нее без разрешения оккупационных властей: немецким писателям в Мексике требовалось разрешение Советской военной администрации. С другой стороны, принятый во время войны американский закон не позволял въехавшим в США немцам покинуть страну, поэтому транзит через США оставался по-прежнему невозможен.

С конца 1945 г. советское посольство начало передавать списки немецких эмигрантов в Советскую зону оккупации (СЗО), и, пока немецкие писатели пытались найти иные способы возвращения в Европу, им оформлялись транзитные советские визы и визы на въезд в СЗО. Ни один из «свободных немцев» в своих мемуарах или письмах не указывает, чьей инициативой было возвращение писателей на родину, хотя однозначно это было частью программы Иоганнеса Р. Бехера, призвавшего сразу после своего прибытия в Берлин в 1945 г. всех писателей-эмигрантов вернуться на родину и принявшего личное участие в репатриации многих коллег. Цепочка переговоров при этом включала много звеньев и не была простой: Бехер, В. Пик, советская военная администрация, МИД СССР, Министерство морского флота СССР, пограничные войска МВД Карело-Финского округа, пограничные войска МВД Белорусского округа.

При сопоставлении воспоминаний Абуша о приеме 7 ноября 1945 г. в советском посольстве и официального отчета советского посла текст Абуша в очередной раз вызывает сомнения в фактографической точности описываемого:

Первый заместитель посла, в то время преемник Константина Уманского, пригласил Меркера, Юнгмана и меня во время празднования в соседнее помещение и сказал: «сегодня у вас двойной праздник. Прибыли визы для въезда в Советскую зону оккупации для первой

---

²⁸ Ibid.: 30.

группы. Вы можете ехать. Нам поручено передать вам с визами приветствия ваших друзей из Берлина»²⁹.

Сменивший К. Уманского посол А. Капустин отмечал в дневнике:

[...] 23 ноября принял Пауля Меркера и, согласно указанию НКВД³⁰, сообщил ему о разрешении на въезд в Германию 9 человек местных прогрессивных деятелей, в том числе и самого Меркера. Сообщил также, что, в случае необходимости, будут выданы визы, а также оказано содействие. Просил указать, когда и каким путем эта группа предполагает совершить поездку в Германию³¹.

В беседе с советским послом Меркер просил «не включать в эту группу Анну Зегерс»³². В конце февраля 1946 г. А. Зегерс предупредила Аплетина, что собирается перед возвращением в Германию провести в СССР несколько недель, однако сначала планирует навестить во Франции сына, уехавшего из Мексики одним из первых.

В планы самого Меркера по-прежнему не входило путешествие в СССР, он и другие эмигранты собирались отправиться в Германию пароходом шведской линии, и, поскольку пароход заходил в порты США, им требовалась американская транзитная виза, которую они долго надеялись получить. США, однако, были непреклонны. С начала 1946 г. была возобновлена торговля между Мексикой и СССР, потому и появилась возможность перевоза писателей на советском судне в СЗО через СССР.

Затруднения возникли сразу. Писатели-эмигранты предполагали, что за ними следят американские спецслужбы, чтобы воспрепятствовать их возвращению на родину. «Советские посольство, — писал Ренн, — придерживалось того же мнения»³³. В 1946 г. одна из мексиканских газет³⁴ напечатала заметку о том, что Ренн и Пауль Меркер

---

²⁹ Abusch, Alexander. *Mit offenem Visier*: 115–116.

³⁰ Народный комиссариат иностранных дел СССР был переименован в МИД СССР в 1946 г.

³¹ Дневник посла СССР в Мексике А.Н. Капустина с 22.11.1945 по 10.12.1945. АВП РФ. Ф.0110. Оп. 21. Пор. 5. Папка 106. Л. 4.

³² Там же.

³³ Renn, Ludwig. *In Mexiko*: 45.

³⁴ В воспоминаниях Ренна это “Universal Grafico”.

выкрали в Канаде по поручению СССР секретные документы³⁵. Ренн вспоминал, как, решив соблюдать конспирацию, участники движения «Свободная Германия», собиравшиеся возвращаться через СССР, разделились на две группы: первая группа должна была включать Пауля Меркера и А. Абуша; следующим рейсом должны были отбыть Л. Ренн и Вальтер Янка. Дополнительную сложность представлял собой архив движения весом в шесть тонн (по оценке Ренна), который также надо было незаметно упаковать и вывезти в Германию.

Одновременно капитан парохода «Гоголь», который планировал прибыть в порт Мансанильо в мае, сообщал в телеграмме, «что пароход не имеет удобств для приема пассажиров и доставки во Владивосток»:

Имею только половину экипажа, нормально обслуживать пассажиров I и II класса не имею возможности, что осложняется неисправностью рефрижератора, недостатком постельных принадлежностей для пассажиров. Телеграфно обращался [...] с просьбой разрешить приобрести на оставшиеся в Ливерпуле 1700 английских фунтов стерлингов пассажирское и другое снабжение, радиолу, а также отремонтировать рефрижератор, дегаузин. Во всех работах отказано Вашингтоном³⁶.

Советский посол, тем не менее, настаивал на перевозе немецких эмигрантов даже при существующих неудобствах, поскольку «большинство из них уже оставило работу и готово к отъезду»³⁷.

Пароход «Гоголь» «с согласия ЦК компартии Германии (В. Пик)»³⁸ вышел из Мансанильо с первой группой эмигрантов в 16 мая 1946 г. О неудобствах на борту книга Абуша умалчивала. «Непредвиденным приключением»³⁹ Абуш назвал изменение маршрута и общество крейсера-тральщика «Максим Горький», вместе с которым пароход должен был пройти по заминированным во время Советско-Японской войны водам Тихого океана и доставить группу политэмигрантов не во Владивосток, а в Петропавловск. В Петро-

³⁵ Renn, Ludwig. *In Mexiko*: 43.

³⁶ Зав.отделом латиноамериканских стран — министру Морского флота, 30 апреля 1946. АВП РФ. Ф. 0110. Оп. 21. Папка 107. Д. 12. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 4.

³⁸ А. Лозовский — М.А. Сулову, 4 июня 1946. АВП РФ. Ф.0110. Оп. 21. Папка 107. Пор. 13. Л. 11.

³⁹ Abusch, Alexander. *Mit offenem Visier*: 144.

павловске к немцам присоединилась труппа ленинградского театра; читающая на палубе дочь одного из актеров стала апогеем экзистенциальных переживаний Абуша на советской территории:

Посреди минных полей, не обращая на них никакого внимания, девушка читала перевод романа Л. Фейхтвангера «Семья Опперманн». Она рассказала мне, как его любят советские читатели. Эту вездесущность Фейхтвангера мне никогда не забыть. В тот момент мне хотелось только одного: чтобы маленький человек из Мюнхена, Парижа, Санари и Голливуда, ядовито провозглашенный «другом русских», великий писатель-антифашист, обновивший жанр исторического романа, храбрый, надежный сотрудник нашего мексиканского журнала *Freies Deutschland* был в этот момент с нами на палубе этого корабля, чтобы он мог увидеть наивысшее достижение своего писательского назначения — как юное создание, подвергаясь опасностям еще не завершенной войны, проникается гуманистическим духом его книги⁴⁰.

22 сентября 1946 г. была разрешена выдача транзитных виз через СССР в СЗО еще четырнадцать немецким эмигрантам⁴¹, и снова была запущена многоступенчатая дипломатическая машина. Советский посол предлагал направить эту группу теплоходом «Маршал Говоров», причем, чтобы избежать первого маршрута, пунктом назначения должен был стать немецкий порт. И маршал Соколовский, и Министерство Морского флота СССР считали возможным заход «Маршала Говорова» без заезда в СССР в Росток, который находился на территории СЗО⁴².

В ожидании своего теплохода Ренн пытался опровергать слухи об отбытии в Германию Меркера и Абуша. Немецкие писатели были под постоянным наблюдением сотрудников посольства США, причем сам писатель даже стал жертвой покушения: споткнувшись о растянутую перед его домом проволоку, он сломал себе обе руки и месяц не мог обходиться без чужой помощи. В конце января советское посольство уведомило немецких писателей о прибытии грузового судна с большой партией бананов в порт Коацакоалькос. Янка ночью

---

⁴⁰ Ibid.: 147.

⁴¹ Справка о политэмигрантах-антифашистах, возвращающихся из Мексики в Европу. АВП РФ. Ф. 0110. Оп. 22. Папка 108. Д. 16. Л. 7.

⁴² К. Михайлов — Я.А. Малику, 25 января 1947. АВП РФ. Ф. 0110. Оп. 22. Папка 108. Д. 16. Л. 8.

перевез туда остаток книг, но целую неделю «банановый теплоход»⁴³ не показывался, и группа немецких реэмигрантов жила в отеле, владелец которого, поскольку симпатизировал фашизму, их «принимал за нацистов»⁴⁴ и поэтому не сделал донесения в американское посольство. 11 февраля прибыл первый секретарь советского посольства с группой советских граждан, чтобы «разместить почти две дюжины путешественников на банановом корабле»⁴⁵. «Маршал Говоров» покинул порт 18 февраля 1947 г. В начале марта погодные условия снова развернули все дороги в сторону СССР: министр морского флота СССР докладывал МИД СССР, что «в связи с тяжелой ледовой обстановкой на Балтике дано распоряжение следовать в Мурманск»⁴⁶. Пережив три сильных шторма, едва не замерзнув в неотопляемом вагоне по дороге из Мурманска в Москву, Ренн и Янка въехали 30 марта в руины Берлина.

В Мексике оставался лишь Бодо Узе, который все больше убеждался в том, что на родине он никому не нужен. Попытка издать свой новый роман «Лейтенант Бертрам» (*Leutnant Bertram*, 1944) в новом издательстве СЗО «Aufbau Verlag» успехом не увенчалась, позиция Бехера вызывала вопросы. В конце апреля 1946 г. Узе получил письмо от редакции газеты американского сектора *Frankfurter Rundschau*: «Если бы я получил такое же письмо из Берлина, я был бы действительно рад», — писал он Вайскопфу [Uhse, Weiskopf 1990: 245]. В конце января 1947 г. Бодо Узе начал готовиться к отъезду. Хотя между МИД СССР, Министерством флота СССР и властями СЗО были заключены очередные договоренности и была возможность уехать на советском теплоходе на родину, Узе мечтал переехать в Париж:

Из соображений дешевизны мы хотим попытаться попасть на один из немногих прямых рейсов Голландия — Америка, чтобы направиться через Бельгию в Париж. [...] И вообще, весь этот план путешествия кажется мне фантастическим ввиду того обстоятельства, что у меня нет ни пфеннинга [Uhse, Weiskopf 1990: 279].

⁴³ Renn, Ludwig. *In Mexiko*: 63.

⁴⁴ *Ibid.*: 64.

⁴⁵ *Ibid.*: 68.

⁴⁶ П. Ширшов — К.А. Михайлову, 4 марта 1947. АВП РФ. Ф. 0110. Оп. 22. Папка 108. Д. 16. Л. 11.

Его друг Вайскопф готов был оказать ему помощь в переезде через Голландию, кроме того, амстердамское издательство “Querido”, по его мнению, определенно предоставило бы Узе щедрый гонорар за его последние романы. Друзья жены-американки Узе смогли оформить ему французскую визу, которая, однако, не пригодилась. Оставалась последняя возможность — воспользоваться визой, выданной советским посольством. В начале января 1948 г. Вайскопф, совершивший поездку в Европу и вернувшийся в Нью-Йорк, сообщал Узе: «В Берлине о тебе было много разговоров. Тебя ждут, и тебя точно хорошо примут» [Uhse, Weiskopf 1990: 303–304]. Тем не менее с февраля 1948 г. Узе снова пытался оказаться во Франции. После длительных переговоров с различными инстанциями, нескольких сборов денег на отъезд семейство Узе покинуло 18 июля 1948 г. Мексику, чтобы, добравшись до полуострова Юкатан, подняться на борт советского судна «Дмитрий Донской» и отправиться в четырехнедельное плавание до Ленинграда.

Каждый из писателей уезжал из Мексики в тревожном ожидании встречи с послевоенным миром. Меркер, по воспоминаниям Абуша, получил через капитана в открытом море известие о том, что избран вместе с Далемом в секретариат новой партии — СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии). Представления о будущем Германии и мексиканский опыт антифашистского движения Меркеру на родине негодились, а годами скрываемое расхождение во взглядах с единомышленниками В. Ульбрихта имело трагический исход. А. Зегерс, написавшая в эмиграции совсем мало писем в Инокомиссию Союза советских писателей, провела в СССР значительную и в любом случае плодотворную часть своей жизни, обогатив советско-российские библиотеки переводами своих произведений, а архивы — своей корреспонденцией с советскими друзьями. Бодо Узе, возможно, самый талантливый из всех писателей-эмигрантов, так и не справился со своей тоской и умер, не дописав крупный роман, размышлять над которым он начал еще в эмиграции — преждевременно, покинутый семьей, с горестным сожалением о напрасной вере в Советский Союз. Написанные в конце жизни воспоминания мексиканских немцев — более сдержанные в случае Ренна (1979) и более эмоциональные в случае Абуша (1986) — о длительном путешествии через послевоенную разрушенную Россию оставили то итоговое впечатление, которое авторы после участия во многих сложных коллизиях своей эпохи сочли правильным.

Мексиканский период в жизни и творчестве немецких писателей-эмигрантов был одним из интереснейших этапов истории эмигрантской литературы и межкультурного литературно-политического взаимодействия, и если сама Мексика не была крупным центром эмигрантской жизни, то, безусловно, она, наряду с Советским Союзом, была важным центром активного антифашистского движения.

ЛИТЕРАТУРА

Вагнер 2010 — *Вагнер Ф.* «На пустом месте, по-новому». Образ России и Советского Союза глазами Анны Зегерс // Россия и Германия в XX веке: в 3-х тт. / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Фольперт. М.: АИРО-XXI, 2010. Т. 3: Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 г. С. 690–719.

«Мы предчувствовали полыханье» 2015 — «Мы предчувствовали полыханье...». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. / отв. сост. З.К. Водопьянова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. Т. 2 в 2 кн. Кн. 1. 22 июня 1941–1943 г.

Мотылева 1984 — *Мотылева Т.Л.* Анна Зегерс. Личность и творчество. М.: Худож. лит., 1984.

REFERENCES

Motyleva 1984 — Motyleva, Tamara L. Anna Seghers. *Lichnost' i tvorchestvo [Anna Seghers. Personality and Work]*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. (In Russ.)

My predchuvstvovali polykhan'e 2015 — “*My predchuvstvovali polykhan'e...” Soiuz sovetskikh pisatelei SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Iiun' 1941 – sentiabr' 1945.* [“*We Foresaw the Blaze...” Union of Soviet Writers of the USSR during the Great Patriotic War: June 1941 – September 1945*], vol. 2: 22.7.1941–9.1943, edited by Z.K. Vodopianova et al. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2015. (In Russ.)

Pohle 1986 — Pohle, Fritz. *Das mexikanische Exil. Ein Beitrag zur Geschichte der politisch-kulturellen Emigration aus Deutschland (1937–1946)*. Stuttgart: Metzler, 1986.

Stephan 1998 — Stephan, Alexander. *Im Visier der FBI. Deutsche Exilschriftsteller in den Akten amerikanischer Geheimdienste*. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verl., 1998.

Uhse, Weiskopf 1990 — Uhse, Bodo, and Franz Carl Weiskopf. *Briefe (1942–1948)*, hrsg. Günter Caspar. Berlin, Weimar: Aufbau, 1990.

Wagner 2010 — Wagner, Frank. “‘Na pustom meste, po-novomu’. Образ Rossii i Sovetskogo Soiuzu glazami Anny Seghers” [“‘From scratch, in a new way’. The Image of Russia and the Soviet Union through the Eyes of Anna Zegers”]. In *Rossiiia*

i Germaniia v XX veke [Russia and Germany in the 20th century], vol. 3: Ottepel', pokholodanie i upravliaemyi dialog. Russkie i nemtsy posle 1945 [Thaw, Frost and Guided Dialogue. Russians and Germans after 1945], edited by K. Eimermacher, G. Bordiugov, A. Volpert, 690–719. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2010. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переписка редакции журнала «Интернациональная литература»
с Людвигом Ренном и Бодо Узе

1. Т. Рокотов — Л. Ренну

3 июля 1939. Москва

Дорогой и уважаемый друг Людвиг Ренн!

Я посылаю Вам с этой же почтой №№ 3–4 русского издания «Интернациональная литература», где на стр. 300–304 опубликован раздел, посвященный Вашему 50-летию. Мы публикуем там статьи Генриха Манна, Вилли Бределя и Бодо Узе¹. Посылаю также № 6 англ. изд. «ИЛ», где помещена также статья в связи с В. юбилеем. Ваш юбилей — юбилей выдающегося писателя-антифашиста и мужественного борца против фашистского варварства, за культуру и демократию — был отмечен советской прессой и Вашими советскими читателями.

К Вашему творчеству советские читатели проявляют большой интерес. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы написали нам о своей творческой работе и литературных планах.

С дружеским приветом отв. редактор «ИЛ» Т. Рокотов.

2. Л. Ренн — Т. Рокотову

28 июля 1939. Нью-Йорк

Дорогой друг Рокотов!

Я получил твое письмо от 3 июля и сердечно благодарю за посланную мне «Интернациональную литературу» и поздравления.

Мои литературные планы, о которых ты пишешь, мне не ясны, ибо наше положение таково, что мы вынуждены яростно работать для того, чтобы жить довольно скверно, и совершенно не в состоянии по-настоящему работать над нашими вещами. Это было бы не так плохо для журналиста, привыкшего производить посредственную литературу, живущую не дольше одного дня. Я же пишу очертя голову книги, так как совершенно бездарен в журналистике, которая здесь

еще оплачивается. Я написал книгу «Ведение войны и пропаганда», которая выйдет осенью в Америке и Англии и которую я предложил бы «Международной книге», если бы только у нее была привычка отвечать на письма. Я послал туда новеллу «Мир — это муравейник», затем я пишу книгу о моих встречах при саксонском королевском дворе. Но, к сожалению, все это работа наспех, которая, к сожалению, вряд ли будет напечатана по-немецки, так как сейчас не существует больше немецкого книжного рынка, который имел бы значение.

Надеюсь, что скоро уеду из невероятно дорогого Нью-Йорка в Мексику, где буду делать доклады для рабочих на немецком языке. Это было бы для меня много приятнее, чем вынужденная массовая продукция книг.

Я сейчас изучаю «Краткий курс истории ВКП(б)». Вы, русские, дали нам в этой книге то, чего мы давно ждали. Книга отвечает на массу вопросов и при этом, в систематической форме.

Сердечно приветствую вас. Людвиг Ренн.

3. Л. Ренн — Т. Рокотову

20 апреля 1940. Такуба
получено 23 ноября 1940

Дорогие друзья!

Посылаю вам мою новую рукопись — работу о дворе королевства саксонского, то есть чисто историческую вещь², которая только потому может иметь какую-то актуальность, что отдельные выведенные в ней личности все еще или снова играют некоторую роль в нынешней войне.

Лично я нахожусь в тяжелом положении. Все авансы, полученные мною за прежнюю книгу, уже давно проедены. Когда я получу и получу ли гонорар — весьма сомнительно. Французского книжного рынка фактически не существует. Англия обременена высокими военными налогами. В США — почти единственном моем источнике дохода — отклонили книгу из-за военного кризиса. Конечно, я многое еще пытаюсь делать, но мне не хватает времени, и я работаю как лошадь, чтобы что-нибудь заработать, но покамест напрасно; кроме того, я довел себя работой до болезни и должен уехать из этого ужасного горного климата, а это тоже можно разрешить, конечно, только с помощью денег. Поэтому убедительно прошу вас, пожалуйста, заплатите мне хоть что-нибудь за мои книги! США сейчас единственный устойчивый и верный мировой рынок и сегодня это наше един-

ственное прибежище, если только мы не покончим с нашим ремеслом и займемся чем-нибудь другим вместо написания книг.

Сердечно приветствую вас. Людвиг Ренн.

4. Л. Ренн — Т. Рокотову

21 сентября 1940. Морелия, Мичоакан

Дорогой друг Рокотов!

Вы передали мне через Бодо Узе³, чтобы я сам написал Вам. Я сделал это 20 апреля и одновременно выслал Вам мою рукопись «При саксонском королевском дворе». То, что вы все никогда не подтверждаете получение писем и рукописей, а это является общепринятой формой международной вежливости, имеющей свой смысл, — с вашей стороны, поистине, почти нестерпимая некорректность, — ибо только таким путем можно установить, дошли ли рукописи по назначению. Так же мало известно мне, прибыли ли мои рукописи «Ведение войны и пропаганда» и «Мир — это муравейник», которые, как мне кажется, посланы были не Вам лично. Для нас здесь это не только денежный вопрос, речь идет и о том, что мы здесь совершенно изолированы и надолго будем лишены возможности работать, если не будем знать, печатаются ли наши вещи или хотя бы читаются. Критика для нас потеряна, так как никогда не доходит.

Итак, я делаю снова попытку и высылаю Вам рукопись «В мексиканском университетском городке»⁴. Рукопись послана только Вам одному, так как больше никакого книжного рынка не существует. Одновременно я передаю Вам право печатать «При саксонском королевском дворе» на всех языках, — отсюда исключается только экспорт в Америку, так как я нашел здесь кое-кого, кто хочет снова попытаться напечатать это в Америке. Все другие страны, из-за войны, отклонили ее, в том числе пока и Америка, после того как моя прежняя книга потерпела полную неудачу как в Англии, так и в Америке, что издательства объясняют тоже войной.

Сам я, наконец, нашел себе доход в виде места экстраординарного профессора при университете в Морелии по новой европейской истории и по немецкому языку за 3 пезо (около полудоллара) в день, на что можно жить, если, как я, не куришь и не пьешь. Кроме того, я даю частные уроки английского языка, чтобы иметь возможность иной раз выпить чашку кофе, но на зубного врача уже не хватает. Хуже, много хуже положение Бодо. Он всецело зависит от благотворительности и при этом работает как лошадь, помогая эмигрантам во Франции⁵.

Мне пишут, что сюда приезжают Густав Реглер с женой, а затем — и другие; на что они будут жить — не знаю, ибо Мексика — страна, где для того, чтобы заработать, нужны не способности, а умение пускать в ход всякие махинации и подкуп, что и находит свое омерзительное выражение в части немецкой эмиграции (я говорю здесь не о наших людях, а о личностях, которые когда-то были нам близки). Говорю это так откровенно, потому что все еще подчас слышу, что Мексика — рай. Нет, она только наименьшее из зол и, к тому же, страна, куда мы приезжаем совершенно неподготовленными. Нам приходится все время наталкиваться на загадки и идти по неправильному пути, так как мы не знаем здешних нравов, ничего общего с Европой не имеющих.

Пожалуйста, напишите поскорей, получили ли Вы рукопись и что ее ждет.

Сердечный привет. Людвиг Ренн.

5. Т. Рокотов — Л. Ренну

13 ноября 1940. Москва

Впервые получил Вашу рукопись, письмо. Пишу, перевожу гонорар. «Интерлит», Рокотов.

6. Т. Рокотов — Л. Ренну

1 апреля 1941. Москва

Сегодня послал подробное письмо Вам и Бодо. Письмо, посланное на адрес Бодо, вернулось обратно. Очень прошу, не ожидая получения моего письма, тотчас же мне написать. Рассказ Бодо, Ваш репортаж использованы. Привет. Рокотов⁶.

7. Л. Ренн — Т. Рокотову

15 апреля 1941. Морелия, Мичоакан

Дорогой друг Рокотов!

Получил Вашу телеграмму от 1 апреля, но до сих пор не отвечал на нее, так как хотел прежде переговорить с Бодо, узнать, в чем, собственно, дело. Итак, я был на Пасху в Мехико и виделся с ним; он по-прежнему по горло занят хлопотами по доставанию виз сюда для тех, кто в Верне и Гюр⁷, это чрезвычайно трудная работа, потому что обещания здесь ничего не стоят.

Итак, Бодо переехал в Sinaloa 42, Mexico D.F.

За это время я дважды получил денежный перевод — один от Гослитиздата, значит, наверное, за репортаж, другой через тот же

банк, но без указания отправителя (очевидно, просто небрежность). Думаю, что и на этот раз полученная сумма исходила от Гослитиздата.

Я работаю над новой книгой, на сей раз об охоте в первобытные времена⁸ и ее последствиях, книгой, которая, вероятно, будет одной из лучших моих работ. Но здесь, в этой пустыне Мексике, конечно, нет книг по данному вопросу, поэтому я сейчас набрасываю ее и только позже, может быть, через несколько лет, смогу закончить книгу. Так было и с «Ведением войны и пропагандой», книгой, которую я вынужден был писать без литературы, так как отчасти мое нелегальное положение во Франции, отчасти мое материальное положение не давали возможности заниматься чем-то другим. Я собираюсь также перерабатывать «Ведение войны и пропаганду» и снабжу книгу богатым собранием иллюстраций и документов, но сделаю это, конечно, когда пройдут годы и мы будем жить в крепкой Советской Германии. Мне кажется, что Вы не получили этой рукописи, и я опасаясь снова посылать рукописи, потому что они могут так же пропасть, как другие, потерянные мною за эти годы, так что у меня не осталось от некоторых даже ни одной рукописи. Мне кажется, что Вы не получили и мою рукопись «При саксонском королевском дворе». Эта-то, по крайней мере, у меня есть. Она нигде не была напечатана.

Что же Вам еще рассказать? Нас здесь горсточка эмигрантов-интеллектуалов и живем мы надеждой на будущее. Закрепиться здесь удалось только Ганнесу Майеру⁹ и мне; мы работаем при различных институтах. Я сейчас преподаю также французский язык, а именно в учительском семинарии, что очень приятно, так как там несколько менее мексиканские нравы или, правильнее говоря, мексиканская безнравственность. Кроме того, я читаю лекции по Новой истории (по курсу советского университета, который нахожу очень хорошим. Учебник здесь совсем не известен и даже не переведен), затем делаю доклады по истории искусств, которой учился в Вене, и истории Советского Союза. Здесь внезапно пробудился интерес и преклонение перед Маяковским, что мне лично кажется странным, ибо тогда можно восхищаться и И.Р. Бехером, который, впрочем, гораздо слабее; но это для здешних поэтов очень полезно. Дело в том, что здесь еще принята испанская законченность формы и бесхарактерная слащавость. Когда мы по вечерам гуляем по площади подле павильона с оркестром, то двое лучших поэтов в городе изливают мне жалобы по поводу того, что чувствуют себя зашедшими в тупик.

Сердечный привет всем. Людвиг Ренн

8. Н. Гнедина — Л. Ренну

23 апреля 1941. Москва

Дорогой Людвиг Ренн!

В январе и феврале месяце с.г. редакция «ИЛ» (рус.изд.) перевела Вам в счет Вашего гонорара 18,75 и 37,5 долларов за Ваш репортаж об университетском городке Морелии.

Товарища Рокотова беспокоит то, что до сих пор от Вас не имеется подтверждения получения гонорара от редакции. Просим Вас сделать это тотчас же по получении нашего письма, а также подтвердить, что Ваш адрес не изменился и гонорар и в будущем можно переводить туда же. Тов. Рокотов подробно напишет Вам в ближайшие дни. Референт по Германии Н. Гнедина.

9. Т. Рокотов — Л. Ренну

26 апреля 1941. Москва,

Дорогой Людвиг Ренн!

В ноябре я впервые получил от Вас письмо¹⁰ и рукопись о жизни в мексиканском университетском городке; я тотчас же подтвердил ее получение телеграммой и перевел Вам гонорар. К сожалению, я не знаю, дошла ли до Вас моя телеграмма и получили ли Вы посланный Вам гонорар.

Ваш репортаж о мексиканском городке мы прочитали не без интереса, но, к сожалению, в таком виде, в каком он написан, мы его использовать не могли. Мы решили его напечатать в форме большой корреспонденции в адрес редакции¹¹. Я уверен, что Вы против этой формы ничего иметь не будете. Этот Ваш материал появится, очевидно, в майской книжке русского издания.

Очень хотелось бы чаще поддерживать с Вами переписку. Было бы желательно получать от Вас письма о культурной жизни в Мексике более или менее регулярно — раз в 2–3 месяца. Я Вам гарантирую их использование и, само собой разумеется, гонорар.

Очень хотелось бы знать о получении Вами этого моего письма. Было бы хорошо, если бы Вы подтвердили его получение телеграфно. Мой телеграфный адрес — Москва, Интерлит. В тексте можете поместить лишь два слова: «получил Ренн». Я тогда буду знать, что письмо и деньги до Вас дошли и тотчас же еще раз переведу Вам гонорар по тому же адресу, по которому посылаю это письмо, за полученный материал. Если пришло только письмо, напишите в телеграмме: «письмо получил» без подписи. Все равно у меня нет других корреспондентов

из Морелии. Телеграмма из четырех слов Вам особо дорого не станет, а я Вам немедленно компенсирую этот расход переводом.

Очень рассчитываю на получение от Вас ответа и регулярную переписку. Самое главное – получать от Вас корреспонденции о культурной жизни Мексики и сообщения о том, что делают наши общие друзья по литературе. [Т. Рокотов.]

P.S. На днях получил обратно из Мексики письмо, посланное на адрес Б. Узе «за ненахождением адресата». Меня это очень огорчило. Не знаю, как мне теперь ему писать.

10. Л. Ренн — Т. Рокотову

20 июня 1941. Морелия, Мичоакан

Дорогой Рокотов!

Вчера получил Ваше письмо, дату которого установить мне не удалось; так как даже письма, отправляемые воздушной почтой, находятся в пути свыше месяца, я предполагаю, что это письмо было отправлено в апреле. Вы просите меня в нем подтвердить телеграммой получение гонорара за репортаж, а также Вашего письма. Я попытался это сделать, но обнаружилось, что здесь телеграфные адреса не принимают; вначале я предполагал, что это ошибка, но в конце концов узнал, что это действительно так; и, поскольку телеграммы идут через Соединенные Штаты, а там телеграфные (сокращенные) адреса не допускаются, видимо, с целью борьбы со шпионажем, — у меня остался лишь один выход: написать Ваш полный адрес «Т. Рокотов, почтовый ящик и т. д.» Но тут выяснилось, что послать такую телеграмму обойдется очень дорого — 42 пезо, т. е. почти 9 американских долларов. Это показалось мне слишком дорогой ценой, и пришлось прибегнуть к чрезвычайно медленной воздушной почте. Впрочем, я не так давно получил от вашей редакции письмо аналогичного содержания и получение его подтвердил воздушной почтой (кажется, это было в начале июня).

Мне уже было известно, что Ваше письмо не дошло до Бодо Узе. На всякий случай сообщаю Вам его адрес: Синалоа, 42, Мехико, Д.Ф.

Он работает сейчас над книгой, о которой я, к сожалению, ничего пока не знаю. Недавно он упал с лошади, сломал себе ребро.

Что касается Вашего предложения посылать Вам корреспонденции о культурной жизни Мексики, то мне было бы чрезвычайно трудно его выполнить. Я не обладаю особым умением писать статьи,

и большей частью их не печатают, что вполне правильно. Вот почему мне так трудно приходилось в Соединенных Штатах: после того, как я неделю проработаю над статьей, мне говорят, что она никуда не годится. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, мешающее мне освещать культурную жизнь Мексики: дело в том, что я живу в далекой провинции и в Мехико-Сити приезжаю очень редко — раз в несколько месяцев. Находясь в Мексике, я чувствую себя больным (из-за того, что город расположен очень высоко) и поэтому вижусь лишь с Кишем, обоими Кацами и Ганнесом Майером, так что, по существу, я очень мало осведомлен о культурной жизни Мексики, а наши друзья знают о ней еще меньше. Мысленно они пребывают в Париже, Нью-Йорке и в любых других местах; к тому же они почти не знают испанского языка. Все же я попробую выяснить, что можно сделать. Я лично гораздо более связан с культурной жизнью Соединенных Штатов, т. к. меня посещает довольно много американцев, которым я показываю красоты озера Латцкуаро и виды города Морелия.

Киш пишет очень милую автобиографическую книгу для одного американского издателя. Название ее — «Подстроенная случайность»¹². Насколько мне известно, время действия — 1900 год, а место действия — Прага. Киш уже израсходовал весь полученный аванс, и боюсь, что ему придется нелегко.

Ганнес Майер по-прежнему преподает в Политехникуме, но уже с начала года не получает жалования. Уже отмечено три таких скандальных случая. Я убежден, что какой-нибудь господин положил его жалование себе в карман; министерство, правда, заявило в письменной форме, что оно выплатило жалование, но вполне может быть, что их заявление ложное. Я лично не могу жаловаться. До Рождества я также в течение нескольких месяцев ничего не получал, но это должно считаться здесь в порядке вещей. Ваш гонорар я положил про запас — на предстоящее полугодие.

Мы ожидаем приезда Анны Зегерс со всей ее семьей.

Вы спрашиваете, получаю ли я «Интернациональную литературу». Да, и нахожу ее довольно интересной. Но мое мнение не может иметь большого значения, т. к. я очень мало разбираюсь в том, что называют художественной литературой. Об этом надо запросить мнение Киша или Анны Зегерс. Меня, например, бюллетень ВОКС'а интересует гораздо больше, потому что я узнаю в нем о вещах, которые мне еще не известны. Итак, Вы видите, что у меня отнюдь не художественный критерий.

Прошу Вас передать от меня привет всем, в особенности Фридриху¹³, которого я не видел уже много лет.

С сердечным приветом Ваш Людвиг Ренн.

11. Б. Узе — Т. Рокотову

27 марта 1940. Такуба

Дорогой товарищ Рокотов!

После бесконечных паспортных затруднений я наконец переехал из Америки в Мексику, где в данный момент живу вместе с т. Людвигом Ренном.

Сожалею, что так долго не писал Вам: этому препятствовали перегруженность работой, материальные заботы и неналаженность почтовой связи.

На днях посылаю вам один или два рассказа (из десяти, которые я готовлю для книги). Я был бы очень рад, если бы вы нашли применение для этих рассказов в «ИЛ».

Кроме того, мне хотелось бы прислать вам очерк о Голливуде, где я провел несколько месяцев и был свидетелем больших политических перемен в среде американской интеллигенции, а особенно среди эмигрантской интеллигенции, которая в большом количестве перешла в лагерь империалистов: большую роль здесь сыграли материальные соображения, страх и буржуазная потребность в «спокойной жизни». Во всяком случае эти аргументы взяли верх над угрызениями совести и страхом перед тем, куда может завести их такая установка.

Я нахожусь в Мексике всего несколько дней и пытаюсь приспособиться к здешнему климату и питанию. У нас с Людвигом Ренном здесь много дел, как в узком кругу «Лига про культура алемана»¹⁴, так и (прежде всего) с добыванием виз для наших друзей, которые сейчас находятся в заключении во Франции — для Густава Реглера, Ганса Мархвицы, Теодора Балька¹⁵ и других.

Мы находимся здесь в очень тяжелом положении, т. к. возможности печататься в Мексике весьма ограничены (а гонорары левых газет — мизерны), возможности же печататься в Америке — с тех пор как империалистический курс проявляется все более отчетливо и открыто — тоже все исчезают и сужаются.

Я бы хотел знать, послали ли вы в Париж гонорар за мой очерк о конгрессе писателей в Нью-Йорке. Я не получил больше из банка никаких сведений и только позже узнал, что все, что было на моем текущем счету, конфисковано французским правительством. Итак,

возможно, что мои деньги перекочевали в карман г-на Даладьё¹⁶. Если это не так, то пришлите мне, пожалуйста, гонорар сюда. Если же он исчерпан, то я был бы вам очень обязан, если бы вы перевели мне аванс за высылаемые мною две работы. В данный момент из-за того, что мои деньги конфискованы во Франции, а в Америке очень трудно что-нибудь напечатать, я сижу без гроша.

Дружески приветствую вас. Ваш Бодо Узе.

12. Т. Рокотов — Б. Узе

19 апреля 1940. Москва

Дорогой Бодо Узе!

Ваше письмо от 27 марта я получил 11 апреля и был поражен тем, что оно так быстро дошло до нас; обычно из Америки почта идет теперь не меньше месяца. На письмо я ответил телеграммой, которую, надеюсь, Вы своевременно получили. Меня очень порадовало Ваше письмо, как тем, что Вы сейчас более или менее устроились, так и тем, что мы возобновляем наши давнишние литературные связи. Через несколько дней я вышлю Вам гонорар в счет посланных нам рассказов и корреспонденции о Голливуде. Меня очень интересует подробное письмо о литературных делах. Напишите, кто из писателей находится вместе с Вами, какая общественно-литературная работа ведется у вас, каковы творческие планы у писателей, чем они интересуются, какова связь с американскими писателями и т. д.

Как Вы правильно предполагаете, Ваши деньги, которые я в свое время еще до начала войны перевел, ушли в чужой карман. Сейчас нам придется начать уже новый счет. Я надеюсь, что мы будем тесно связаны, во всяком случае Вашу литературную работу у нас я охотно буду оплачивать.

Жду писем, подробной корреспонденции и рассказов.

Передайте от меня мой сердечный привет Людвигу Ренну и мое искреннее желание установить контакт и с ним персонально. Учтите на всякий случай, что мой телеграфный адрес — Москва Интерлит. Гонорар Вам я постараюсь перевести телеграфно.

13. Редакция «ИЛ» — Б. Узе

2 июня 1940. Москва

Дорогой Бодо Узе!

До сих пор не получили от Вас ни обещанных Вами рассказов, ни очерка о Голливуде. Мы послали Вам в счет этого 37,70 долларов.

Просим Вас подтвердить получение и рады будем вообще услышать о Вашей литературной работе и здоровье.

С приветом — Редакция «ИЛ».

14. Б. Узе — Т. Рокотову

27 июня 1940. Такуба

Дорогой Т. Рокотов!

Я надеюсь, что Вы за это время получили оба моих рассказа и письмо¹⁷ о литературе и кино. Последнее я послал около четырех недель тому назад. Меня особенно волнуют рассказы. Я был бы очень доволен, если бы Вы их напечатали.

У меня имеется рукопись романа, которую я охотно послал бы Вам, но она отпечатана лишь в двух экземплярах, а почта работает скверно, так что посылать ее рискованно.

Я хочу обратиться к Вам с большой просьбой. Не знаю, известно ли Вам, что я в 1936 г. получил от Ваших писателей приглашение на длительное пребывание у Вас. К сожалению, я им тогда не воспользовался, будучи занят другим. Сейчас я вспомнил об этом приглашении и решил Вас спросить, нельзя ли его возобновить. Моя просьба вызвана тем, что в связи с жарким климатом и материальными затруднениями мне будет очень трудно продолжать работу над романом и нет никаких надежд его закончить. Кроме того, мне кажется (может быть, с моей стороны это нескромность), что, если бы Вы переговорили о моей просьбе с моими друзьями-земляками, они могли бы мне помочь. Вот почему я решился написать Вам это письмо. Не сочтите мою просьбу чересчур нахальной.

Если мое желание выполнимо, я просил бы разрешения взять с собой мою подругу. Ее зовут Анн Винтер¹⁸. Она родом из Нью-Йорка. Очень прошу Вас, телеграфируйте, получили ли Вы мое письмо, и Ваш ответ на мою просьбу. Текст телеграммы лучше всего изложить на английском языке, потому что иначе они прибывают сюда в совершенно перепутанном виде.

Заранее благодарю Вас за внимательное отношение к моей работе, за быстрый ответ на мое письмо и шлю Вам лучшие пожелания. Бодо Узе.

15. Б. Узе — Т. Рокотову

5 августа 1940. Такуба

Дорогие друзья!

Я получил два дня тому назад ваше письмо. Мне очень горько было узнать, что вы не получили ни моих обоих рассказов, ни очерка о Голливуде. Очень надеюсь, что тем временем оба мои отправления уже прибыли. К сожалению, у меня есть копия только одного рассказа. На всякий случай посылаю вам все-таки заказным с этой же почтой копию. Копию другого рассказа закажу. А статья о Голливуде сейчас уже не актуальна. К сожалению, мне приходится на этой же странице сообщить, что и отправленные вами 37,70 долларов, о которых вы общались, до сегодня еще не получены. По-видимому, в почтовой сети образовалась брешь, в которую проваливаются как раз самые хорошие и приятные вещи.

Так не досчитываюсь и я вашего подтверждения о получении письма, посланного по моему распоряжению из Нью-Йорка. Переписка становится лотереей. Надеюсь, я вытяну на сей раз выигрышный билет. Наконец, мои литературные работы и планы, даже если они интересуют цензора, не контрабанда.

Если мне не изменяет память, я вам писал уже, что работаю над сборником рассказов. И вот, он до сих пор еще не закончен. Это работа, которой я в известной мере занимаюсь между делом. Темы уже выбраны и определелись, но я занимаюсь ими, в сущности, только на досуге. Моя настоящая работа — роман об эмиграции, где встречаются люди всех национальностей и вместе скитаются по чужим странам. Роман повествует о том, как разнообразные попытки пустить корни на чужбине постоянно терпят крах и как из-за этого среди эмигрантов происходит раскол; между теми, которые поистине становятся людьми без корней, и теми, которые находят единственное решение в борьбе за возвращение на родину.

Кроме того, я собираю материал для новой книги, толчком к которой для меня явилось интереснейшая мексиканская фигура: великий крестьянский вождь Эмильяно Сапата¹⁹, память о котором живет и сегодня — и совсем по-другому, чем память о Панчо Виллья²⁰, среди крестьян.

Впрочем, работа тоже имеет свои трудности. Я очень страдаю от жаркого климата, который так отзывается на моем сердце, что мне дни напролет приходится бездействовать. К тому же есть и другие вещи, мешающие работать, как беспокойство и заботы о друзьях и неизвестность о том, какой оборот примут здесь события. Ибо несмотря на исход выборов, не оставляющих больше никаких иллюзий, повсюду учитывают, что осенью или зимой Альмазан²¹ попытает счастья.

К сожалению, противные силы проявляют множество, я бы сказал, чересчур большое множество слабостей и недостатков.

В моем письме из Нью-Йорка, которое вы, видимо, к сожалению, не получили, я обратился к вам со смелой просьбой о том, нельзя ли перенести на нынешний год приглашение от ваших писателей, которое я получил в 1936 году и которым не мог воспользоваться, так как ехал в Испанию? Несмотря на несколько поганые обстоятельства? Но подчас сюда в порт Мансанильо²² заходят суда, которые вводят меня в соблазн и побуждают меня к отважным мечтаниям и, как видите, к смелым вопросам. С сердечным приветом, Б. Узе.

P.S. Только посылайте, пожалуйста, письма воздушной почтой, иначе будет очень долго.

16. Т. Рокотов — Б. Узе

24 августа 1940. Москва

Рассказы получили. Надеемся один использовать. 28 апреля перевели гонорар. Через месяц переведем повторно. Письмо следует. Рокотов.

17. Б. Узе — Т. Рокотову

27 августа 1940. Такуба

Дорогой Рокотов!

Я очень обрадовался Вашей телеграмме и успокоился, узнав, что оба рассказа, наконец, попали в Ваши руки. Гонорар, о высылке которого Вы извещаете, до сих пор еще, к сожалению, не дошел до меня. Нельзя ли навести от вас справки, где застрял денежный перевод? Будьте добры, сообщите нашим друзьям из немецкого издания о получении обоих рассказов; может быть, они используют один из них, хотя бы в сокращенном виде. Вы, конечно, понимаете, что я по многим причинам придаю значение тому, чтобы печататься там. В конце концов привязанность чувствуешь все-таки к оригиналу.

Последние несколько недель мне почти не удавалось работать, так как я по горло был занят, помогая разным друзьям, желающим переехать сюда. При той волоките, с которой работают здешние власти, это оказалось не очень просто, надеюсь все же, что мы кое-чего добились. В свое время я напишу Вам об этом подробнее.

Я начал переводить главы из романа моего испанского друга Хосе Херрера Петере²³ небольшого произведения, превосходно написанного, с сухим ироничным стилем, совершенно необычного для

испанской литературы из-за своей ясности и реализма. Работая над переводом романа, я часто вспоминал романы Стендаля.

Надеюсь, что сумею выслать Вам на следующей неделе одну-две главы. Если Вы не используете их, то передайте их, пожалуйста, немецким друзьям²⁴, которых это, наверное, заинтересует.

Получили ли Вы мое последнее письмо воздушной почтой? Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне ответили письменно, по возможности быстрее.

Мы здесь очень радуемся тем большим успехам, которые достигнуты у вас. С сердечным приветом Б. Узе.

18. Т. Рокотов — Б. Узе²⁵

13 сентября 1940. Москва

Дорогой друг!

За последнее время я получил от Вас три письма — от 27 июня, 5 и 27 августа. Позвольте подробно ответить на все содержащиеся в них вопросы.

1) Я рад, что Вы получили мою телеграмму и знаете, что рассказы дошли до нас. К сожалению, ни очерк о Голливуде, ни ряд других материалов, о которых говорится в письмах, до нас не дошли.

2) Вашу просьбу относительно передачи немецкой редакции Ваших рассказов, мы выполнили. Надеюсь, что тов. Бехер по этому вопросу снесется с Вами непосредственно.

3) Не понимаю, почему посланные нами деньги до Вас не дошли. Они были отправлены Вам по телеграфу. Я именно хотел, чтобы Вы скорее получили хотя бы маленькую поддержку от своих старых друзей. Обидно, что почта сорвала мои планы. В ближайшие дни еще раз переведу Вам гонорар по последнему, указанному Вами адресу.

4) Вы пишете о своем новом романе и сборнике рассказов. Само собой, что мы очень хотели бы с ними ознакомиться, но я понимаю, что отправка нам по почте материалов крайне затруднена. Мой совет: рукописи посылать заказным, указывая на конверте *Via Sibiria*. Это длинный, но верный путь, гарантирующий сохранность корреспонденции.

5) Особенно меня заинтересовало сообщение о переводе романа Эррера Петере. Ваш перевод может подойти для немецкого издания и оказаться полезным и мне для проверки перевода с испанского. Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы наряду со своим переводом выслали нам оригинал на испанском языке.

б) По поводу возможности получения Вами просимой визы я пока еще ничего не могу сообщить Вам. Я этим вопросом занимаюсь, и как только что-нибудь положительное выяснится, я тут же поставлю Вас в известность.

В заключение я хотел бы обратиться к Вам со следующей просьбой. Мы мало знаем о том, кто из наших общих знакомых писателей находится сейчас в Америке (в частности, в Мексике). Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы вообще сообщили мне о положении тех писателей, о которых Вы что-либо знаете. До меня дошли сведения, что Канторович находится где-то в Ваших краях²⁶. Вот уже год, как я о нем ничего не знаю.

Меня удивляет, что Вы ни разу не попробовали написать нам литературное письмо для опубликования в журнале, которое могло бы быть напечатано во всех наших изданиях. Помимо того, что это очень важно для журналов, это, несомненно, важно и для Вас лично, поскольку могло познакомить читателя журнала во всем мире с Вашей сегодняшней работой.

Что вы хотели бы в подобного рода письме? Несомненно, в Мексике существуют писательские организации. Что они представляют из себя, какова их общественная деятельность, в чем она выражается? Есть ли литературные премии, кто их учредитель? Кому они присуждаются? Какие новые интересные книги вышли за последние год–два в Мексике? Есть ли в Мексике своя кинематография? Есть ли в Мексике драматурги? Как работают театры? Есть ли хорошие пьесы? Если да, то было бы неплохо рассказать об одной–двух наиболее замечательных.

Сделав такой обзор литературной жизни Мексики, в заключении письма Вы могли бы поговорить о своей литературной деятельности и творческой работе своих друзей, вместе с Вами переплывших через океан.

Это письмо, согласно Вашей просьбе, посылаю воздушной почтой и надеюсь, что оно скоро до Вас дойдет. На всякий случай прошу Вас иметь в виду, что мой сокращенный телеграфный адрес: Москва Интерлит.

Сегодня я сделал рекламацию по поводу посланных Вам своевременно 37 долларов.

В ожидании Вашего быстрого ответа дружески приветствую Вас, желаю успеха, здоровья и бодрости. [Т. Рокотов.]

19. Т. Рокотов — Б. Узе

2 апреля 1941. Москва

Дорогой Бодо Узе!

24 августа я телеграфировал Вам и из Вашего письма от 27 августа знаю, что эта телеграмма до Вас дошла. В этой телеграмме я обещал Вам подробно ответить на все Ваши вопросы. К сожалению, это мое письмо недавно вернулось из Америки обратно «за ненахождением адресата»²⁷. Это меня очень огорчило. Может быть, это почтовая ошибка, а может быть, Вы переехали в другое место, и Ваше письмо с новым адресом затерялось в пути. Поэтому это письмо я пошлю по трем адресам в расчете, что хотя бы по одному из них Вы его получите. К каждому из этих писем я прилагаю копию первого письма.

Теперь по порядку о новостях за этот период времени:

1) В № 11–12 русского издания мы напечатали Ваш рассказ «Операция»²⁸. Как видите, наши литературные связи тем самым оказались восстановленными. Я получил от Людвиг репортаж о его жизни в Морелии, он также будет нами использован. Мы послали и ему, и Вам некоторую сумму в счет причитающегося за эту литературную работу гонорара. Ничего не знаю о том, дошли ли до Вас посланные деньги.

2) В своем письме от 27.8.1940 Вы обещали нам прислать переводимый Вами роман Хосе Эррера Петере, к сожалению, мы его не получили.

3) Не знаю, доходит ли до Вас немецкое издание. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение о нем. Сотрудники его, вместе с Иоганнесом²⁹, очень много и активно работают. Их круг пополнился недавно с большим трудом приехавшим Фридрихом³⁰. Он в очень трудных условиях написал новую пьесу «Бомарше, или Рождение Фигаро», которую мы сейчас печатаем в немецком и русском изданиях. Я был очень рад видеть Фридриха и особенно тому, что на его внешнем виде, к счастью, мало отразилось его полуторагодовые злоключения³¹.

Очень рад буду иметь максимально быстрый ответ от Вас. Сегодня же пошлю на адрес Людвиг телеграмму³² о том, что послал Вам и ему подробные письма.

Сердечно приветствую. Ваш [Рокотов].

P.S. Одновременно с письмом Вам и Людвигом отправлен 3-й номер английского издания.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед.хр. 671. (письма 1-10); РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед.хр. 631. (письма 11-18). Машинопись.

Письма 2–4, 7, 11, 15, 17 — пер. с нем. Н. Гнединой.

Письмо 10 — пер. с нем. А. Рудина.

Письмо 14 — пер. с нем. С. Шайкевич.

Переводы на рус. датированы: письмо 4 – 12.11.1940; письмо 7 – 13.6.1941; письмо 10 – 18.8.1941; письмо 11 – 11.04.1940; письмо 12 – 23.8.1940; письмо 17 – 12.9.1940.

¹ Статьи журнала к пятидесятилетию Л. Ренна: «Писатель и боец» Генриха Манна, «Замечательный писатель-антифашист» Вилли Бределя, эссе «Людвиг Ренн» Бодо Узе (с. 302–304).

² По всей видимости, текст стал основой для романа Л. Ренна «Упадок дворянства» (*Adel im Untergang*. Mexico: El libro libre, 1944).

³ См. письмо Т. Рокотова — Б. Узе от 19.4.1940.

⁴ Текст стал основой для книги Ренна «Морелия. Университетский город в Мексике» («Morelia. Eine Universitätsstadt in Mexiko»). Aufbau, Berlin 1950).

⁵ В журнале «Интернациональная литература», 1940, № 11–12, в разделе «Письма в редакцию» сообщается, что Ренн выслал редакции рукопись своего очерка «В мексиканском университетском городке» и приводится сокращенный текст письма Ренна: «В настоящее время, — пишет Ренн, — мне удалось найти работу в местном университете в качестве профессора новейшей истории и немецкого языка. Я получаю три пезо в день (примерно полдоллара). Кроме того, я даю частные уроки английского языка, чтобы позволить себе роскошь иной раз выпить чашку кофе, но на зубного врача у меня уже не хватает средств. Еще в худшем положении Бодо Узе, который вообще не имеет работы...».

⁶ См. также письмо Рокотова Бодо Узе от 2 апреля 1941.

⁷ Французские лагеря Ле-Верне и Гюр (Камп де Гюр).

⁸ Возможно, эти наброски были использованы для детской книги «Негр Ноби» (*Der Neger Nobi*, 1955), название с 1962 г. — «Ноби», посл. переизд. 2001 (в рус. пер. «Ноби». Детгиз, 1959).

⁹ Ханнес Майер (Hannes Meyer, Hans Emil Meyer, 1889–1954) — швейцарский архитектор, второй директор Баухауса, работал в 1930–1937 гг. в Москве, в 1939–1949 гг. жил в Мексике.

¹⁰ Имеется в виду письмо Ренна от 21.09.1940.

¹¹ В журнале «Интернациональная литература» (1941, № 5, с. 220–223) была опубликована статья Л. Ренна «В мексиканской провинции», на «форму большой корреспонденции в адрес редакции» указывает лишь заключительная фраза: «Но все это вопросы, выходящие за рамки темы моего письма и заслуживающие специального освещения». По всей видимости, «форма письма» оправдывала сокращение оригинального текста Ренна и размещение в номере отдельных фрагментов. Этот же выпуск напоминал читателям в рубрике «Коротко об авторах», что «Людвиг Ренн — немецкий писатель и публицист. В настоящее время живет в Мексике. Во время войны республиканской Испании против франкистских мятежников был в числе руководителей Интернациональных бригад» (с. 256).

¹² В подлиннике книга называется *Der herbeigeführte Zufall*. Речь идет об известном произведении Киша — «Ярмарка сенсаций» (*Marktplatz der Sensationen*) — первой книге, выпущенной в 1942 г. мексиканским издательством немецких писателей-эмигрантов “El libro libre”.

¹³ Фридрих Вольф (1888–1953), немецкий писатель-эмигрант, участвовал в Гражданской войне в Испании, во Франции был заключен в лагерь Ле-Милль. В 1941 г. получил советское гражданство и смог вернуться в Советский Союз.

¹⁴ Первая эмигрантская организация, созданная в 1938 г. в Мексике, была основана на принципе внепартийности, сотрудничала с мексиканскими профсоюзами, деятелями культуры. Деятельность была направлена на помощь немецким беженцам, проведение культурных мероприятий, обмен информацией.

¹⁵ Густав Реглер (Gustav Regler, 1898–1963) — немецкий писатель-эмигрант, участвовал в Гражданской войне в Испании, во Франции был интернирован в лагерь Ле-Верне, после освобождения эмигрировал в Мексику. После отхода от коммунизма считался соотечественниками ренегатом. Ганс (Ханс) Мархвица (Hans Marchwiza, 1890–1965) — писатель, поэт, представитель пролетарской литературы, участвовал в Гражданской войне в Испании, при пересечении границы был интернирован во французский концлагерь под Нимом. При попытке добраться до Мексики был задержан в США, где работал все годы эмиграции строителем. Теодор Балк (Theodor Balk, 1900–1974) — югославский немецкоговорящий врач и писатель-коммунист, был интернирован в лагеря Ле-Верне и Ле-Милль. В 1941 г. смог эмигрировать в Мексику, где присоединился к немецкой колонии и участвовал в движении «Свободная Германия».

¹⁶ Эдуард Даладьё (Édouard Daladier, 1884–1970) — в марте 1940 г. министр обороны Франции.

¹⁷ В переписке имеется проблемная дата — 27 июня и 27 июля, которая и в немецком, и в русском варианте исправлена. Логично предположить, что, если речь идет об одном и том же письме, то это письмо от 27 июня. Бодо Узе, который писал письма сразу после получения корреспонденции из Москвы, по всей видимости, отправил письмо «о литературе и кино» в первых числах июня, и это письмо до Москвы не дошло. Соответственно, когда Узе упоминает, что это письмо было отправлено четыре недели назад, он пишет это, вероятнее всего, как раз 27 июня, а не 27 июля.

¹⁸ Энн Винтер — американская журналистка, непродолжительное время была в Мексике подругой Б. Узе, потом вернулась в США; впоследствии приехала в Советский Союз.

¹⁹ Эмилиано Сапата (Emiliano Zapata, 1879–1919) — мексиканский революционер, предводитель крестьянского восстания против диктатуры Порфирио Диаса, один из национальных героев Мексики.

²⁰ Панчо Виллья (Pancho Villa; наст. имя Хосе Доротео Аранго Арамбула, 1878–1923) — один из революционных генералов и лидеров крестьянских повстанцев во время Мексиканской революции (1910–1917).

²¹ Хуан Андреу Альмазан (Juan Andreu Almazán, 1891–1965) — мексиканский революционер, генерал мексиканской армии в 1920-х гг., баллотировался на пост президента Мексики в 1940 г.

²² Мансанильо — главный порт на Тихоокеанском побережье Мексики.

²³ Хосе Эррера Петере (José Herrera Petere, 1909–1977) — испанский писатель, принадлежал к «поколению 36 года», находился в эти годы также в Мексике.

²⁴ Имеется в виду Иоганнес Р. Бехер (Johannes R. Becher, 1891–1958) — немецкий писатель-эмигрант, до капитуляции Германии жил в СССР, возглавлял Немецкую секцию Союза советских писателей. Главный редактор журнала *Interationale Literatur* («Интернациональной литературы» на немецком языке). Немецкоязычное издание отличалось по содержанию от русскоязычной «Интернациональной литературы», хотя журналы имели общую направленность.

²⁵ Письмо Б. Узе не получил, оно было «возвращено почтой» в Москву (маркировка на письме).

²⁶ А. Канторович покинул Марсель на одном корабле вместе с Анной Зегерс,

однако не был выпущен из США и был вынужден все годы войны провести в США.

²⁷ По всей видимости, речь идет о письме Рокотова, написанное 13 сентября 1940.

²⁸ Интернациональная литература. 1940. № 11–12. С. 3–22.

²⁹ Иоганнес Р. Бехер.

³⁰ Фридрих Вольф — немецкий писатель-эмигрант, которому удалось вырваться из французского лагеря, получив советское гражданство (см. примеч. 13). В лагере Вольф написал драму «Бомарше, или Рождение Фигаро» (*Beaumarchais oder Die Geburt des Figaro*, 1940).

³¹ Зачеркнутый вариант: «пребывание во французском концлагере», — один из вариантов довоенной «политкорректности». Письмо написано до нападения Германии на СССР.

³² Телеграмма была отправлена 1 апреля.

© 2024, А.В. Добряшкина

Дата поступления в редакцию: 25.05.2024

Дата одобрения рецензентами: 15.05.2024

Дата публикации: 25.06.2024

© 2024, Anna V. Dobryashkina

Received: 25 Apr. 2024

Approved after reviewing: 15 May 2024

Date of publication: 25 Jun. 2024